

УДК 9(571.53)–21

Иркутское городское развитие при сибирском генерал-губернаторе М. М. Сперанском

М. М. Плотникова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье рассматривается городское развитие губернского Иркутска при генерал-губернаторе Восточной Сибири М. М. Сперанском в 1819–1822 гг. Обращается внимание на тот факт, что сибирская реформа М. М. Сперанского законодательно закрепила существовавшие тенденции развития сибирских городов.

Ключевые слова: Иркутская градская дума, Учреждение для управления сибирских губерний, иркутская городская идентичность, городской бюджет.

Назначение графа М. М. Сперанского сибирским генерал-губернатором стало большим событием не только для губернского Иркутска, но и для всей Сибири. Уже в сибирской дореволюционной историографии широко освещен конфликт между иркутским купечеством и предшественниками М. М. Сперанского сибирским генерал-губернатором И. Б. Пестелем и иркутским гражданским губернатором Н. И. Трескиным. «В Иркутске творились дела неслыханные и всякую меру, и дозволенность превосходящие. Трескин неистовствовал и давил всякую попытку освободиться от его жестокого самодурства и деспотизма. Никто не мог чувствовать себя спокойным за свою участь, достаточно было намек, неосторожного слова, взгляда, чтобы попасть в острог, под суд и даже в ссылку» [3, с. 139].

Жалоба, поданная именитым купцом М. В. Сибиряковым и купцом Н. П. Мыльниковым на губернатора Н. И. Трескина, закончилась ссылкой Сибирякова в г. Нерчинск с разжалованием в работные люди и ссылкой Н. П. Мыльникова в Баргузин. В 1807 г. губернатор Н. И. Трескин не утвердил в должности городского головы М. В. Сибирякова. Известный иркутский общественный деятель В. И. Вагин писал: «Придравшись к прежним, большею частью ничтожным подсудностям Сибирякова, Трескин распорядился сделать новые выборы. Общество протестовало; половина его решительно отказалась от нового выбора, другая выбрала ничтожного купца Саватеева, но заявила при этом, что она делает новый выбор единственно из повиновения распоряжению начальства» [4, с. 14–15]. И. Б. Пестель в записке министру внутренних дел написал про М. В. Сибирякова, «что он при всем богатстве своем от казны и от собственного общества своего незаконно приобретенном, при всей его между своим обществом силе, временем и дерзостию утвержденной и при всем влиянии его на прежнее слабое начальство, будучи

уже градским головой за наглое своеволие и другие дерзкие поступки отрешен был от сей должности, не однократно судим, назначен к лишению доброго имени и освобожден токмо от сего последовавшим вскоре всемилостивейшим манифестом» [24, л. 83 об.–84].

После ссылки М. В. Сибирякова и Н. П. Мыльниковых борьбу против губернатора Н. И. Трескина продолжил иркутский купец 1-й гильдии К. П. Трапезников. Однако борьба приняла скрытый характер и протекала весьма медленно. «Именитые и первогильдейские купцы собирались в условленных местах, под видом толкования о торговле и шушукались, как послать в Петербург преданного, толкового, находчивого и безбоязненного человека» [3, с. 154]. Не только купцы были недовольны многочисленными нарушениями чиновников. Все слои иркутского общества участвовали в этой борьбе. Только в 1819 г. губернатор был смещен и назначена ревизия М. М. Сперанского. Как записал в своих мемуарах очевидец событий именитый купец П. Т. Баснин, «...над многострадальной Сибирью зажглась заря, блеснул среди мрака луч света, и на смену “злых правителей” явился кроткий, гуманнейший, гениальный государственный человек Сперанский, чье имя произносится во всей Сибири, от края до края, с благоговением и служит символом добра, чести, правды и освобождения от невыносимого гнета и ига воров, разбойников и убийц...» [3, с. 163].

М. М. Сперанский действительно отличался от предыдущих сибирских генерал-губернаторов своим отношением к иркутскому обществу. Он не только открывал бал в паре с купчихой Саватеевой и часто «запросто» заходил к иркутскому купцу, автору мемуаров П. Т. Баснину, посидеть в садике и попить душистого, ароматного, настоящего кяхтинского чайку, но и пришел поприветствовать 1 января 1820 г. вновь избранных гласных Иркутской градской думы, «бывшим в прошедшее трехлетие членам градской думы за прилежное продолжение ими должностей отдавал должную справедливость, а вновь избранным о подлежащем им служении сделал приветствие» [14, л. 165].

Произвол сибирских генерал-губернаторов начался задолго до назначения Н. И. Трескина гражданским губернатором Иркутска. «Каждая власть, – писал Ядринцев, – какая только ни являлась в Сибири, немедленно же, в силу особых обстоятельств, преображалась, усваивала самовластие и предавалась наживе. Причины этого крылись не в отдельных личностях, но в том положении, какое им предоставлялось правительством в этой отдаленной стране. Они незаметно приобретали привычки самовластия, вдали от контроля, при неограниченных полномочиях, точно так же, как развитие злоупотреблений, не встречая ни откуда препятствий, явилось естественным при отдаленности края и при таких искушениях к обогащению, какие представлял край» [17, с. 4–5].

Как отмечают авторы исследования «М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма», в бытность генерал-губернатором Сибири И. Б. Пестеля наблюдался управленческий кризис, выразившийся в создании в 1813 г. особого «Комитета по сибирским делам», потому что «комитет министров оказался не в состоянии разобраться с массой конфликтных ситуаций, порожденных несогласованностью в деятельности министерств, генерал-

губернаторов и губернаторов» [19, с. 123]. В среде государственных чиновников в начале XIX в. постепенно формировалось мнение, что можно создать определенный противовес личному началу в управлении Сибири со стороны коллегиальных учреждений, привлекая для этой цели выборный элемент. Назначение М. М. Сперанского сибирским генерал-губернатором стало логичным завершением поисков самодержавием оптимального административно-территориального устройства Сибири в частности и империи в целом.

Вместе с тем следует отметить, что богатство и отдаленность Сибири от европейской части России являлись не только причиной произвола коронной администрации, но и одной из составляющей идентичности иркутского купечества. Сильная позиция иркутского купечества в отношении коронной бюрократии стала возможной в Российской империи только благодаря отдаленности Сибири от центра. Особенности идентичности иркутских купцов были отмечены уже первой сибирской писательницей Е. А. Авдеевой-Полевой: «Самый образ тамошних дел и промышленности, требующий смелости, беспрерывно новых соображений и некоторых сведений, способствовал направлению общества к образованности, ибо известно, что промышленность и торговля, не ограничивающиеся только делами своего города, всего больше способствуют развитию умов и общей образованности. Оттого являлись в Иркутске между торговым сословием люди необыкновенные и множество лиц достопамятных и оригинальных» [1, с. 55]. В 1800–1820 гг. в Иркутске были известны библиотеки купцов С. Дудоровского, Старцева, Баженова, Саватеева, Апрелькина, Пьянкова, Прянишникова, братьев Трапезниковых. Среди них лучшей была библиотека представителя влиятельной и могущественной купеческой фамилии Иркутска конца XVIII – начала XIX в., городского головы в 1807–1808 гг., «истинного мудреца», одного из первых иркутских библиофилов С. Ф. Дудоровского [20, с. 67–68]. Грамотность и образованность требовались и при несении общественных служб, к которым относилась работа в Иркутской градской думе. Нести общественную службу по очереди – это одна из характерных черт иркутского градского общества. Иркутяне могли быть избраны, даже если отсутствовали в городе. Купечество же в европейских городах Российской империи пыталось избежать служения.

Идентичность иркутского купечества выражалась и в выборе одежды. В провинциальных городах Российской империи одновременно существовали 4–5 моделей функционирования моды. Губернский Иркутск 1830–40-х гг. служил примером «буржуазной» модели. «Богатое купечество одевалось в общеевропейское платье и ориентировалось на новейшую западную моду. Ему подражали небогатые дворяне, чиновники и разночинцы. Купцы 3-й гильдии и мещане подвержены двойной ориентации: на сохранение традиционной одежды и заимствование элементов современной моды» [21, с. 302]. Выбор повседневной одежды иркутскими купцами также отражал городскую идентичность – независимость, образованность, самостоятельность. Не случайно А. П. Щапов, характеризуя деятельность городского самоуправления до М. М. Сперанского, писал о возникновении «маленькой республики», а И. Б. Пестель и Н. И. Трескин в своих отчетах в петербургские министерства

называли своих противников не иначе как «партией». Такой дискурс, как «республика» и «партии», совсем не характерен для начала XIX в. и является свидетельством иркутской городской идентичности. Современники также отмечали, что «местное купечество было так сильно, что пять или шесть губернаторов сряду были сменены по их жалобам» [4, с. 572–573].

Иркутская градская дума была тем учреждением в губернском Иркутске, которое было ответственно за городское развитие. Согласно «Жалованной грамоте городам» 1785 г. следовало выбрать две думы – общую и шестигласную, и в 1787 г. в губернском Иркутске было выбрано 20 гласных в общую городскую думу и шесть – в шестигласную. Поскольку в городе не было именитых граждан, а иногородних купцов записалось всего 6 человек, в Иркутской градской думе оказались представлены только купцы, мещане и ремесленники, причем последних – большинство, согласно количеству цехов в городе [5, л. 12–12 об.]. Однако вскоре выяснилось, что многие гласные от ремесленных управ были неспособны вести хозяйственные дела в думе по причине неграмотности. Уже в 1794 г. состоялись первые пере выборы, когда вместо одних гласных от цеховых были избраны другие [6, л. 208]. В 1798 г. от ремесленных управ было избрано уже всего 4 гласных [9, л. 64], в 1819 г. – двое. С 1805 г. в Иркутской градской думе появился гласный от иногородних купцов [12, л. 46].

В декабре 1819 г. состоялись выборы в Иркутскую градскую думу, и 1 января 1820 г. гласные приступили к работе. Городским головой во второй раз был избран Ксенофонт Михайлович Сибиряков, сын Михаила Васильевича Сибирякова, сосланного в ссылку Н. И. Трескиным. К. М. Сибиряков в 1808–1809 гг. был депутатом квартирной комиссии, а за службу городским головой в 1817–1819 гг. имел аттестат от мещанского общества [14, л. 254]. В состав Иркутской градской думы 1820–1822 гг. были также выбраны двое купцов [14, л. 121, 127] – Иван Михайлович Чупалов, от гильдейцев, до этого в служениях не был [14, л. 255], и Максим Иванович Опрелков, от всех городских обывателей, в 1804 г. был старостой в Гостином дворе [14, л. 255]; трое мещан – Никита Григорьевич Наквасин, Николай Андреевич Нечаев и Степан Иванович Сахалтуев [14, л. 128]; двое цеховых – Сергей Алексеевич Москвин и Степан Иванович Перетолчин [14, л. 129] и балаганский мещанин Иван Петухов от иногородних купцов, записавшихся по г. Иркутску [15, л. 36]. Следует отметить, что сразу было оговорено, что вместо выбранного мещанина Никиты Наквасина будет служить его брат Николай, а вместо выбранного цехового Сергея Москвина – брат Матвей. Однако во всех списках гласных, подаваемых по просьбе и сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского, и в губернское правительство, числились гласными Никита Наквасин и Сергей Москвин.

Что собой представлял губернский Иркутск во время генерал-губернаторства М. М. Сперанского? Одной из важных характеристик города является его численность. В 1820 г. по справке, предоставленной в Иркутскую градскую думу из земских дел, значилось: купцов м. п. – 154, ж. п. – 201, т. е. 356 чел., мещан м. п. – 2 039, ж. п. – 2 253, всего – 4 655 душ. По справке це-

ховых дел: м. п. – 792, ж. п. – 812, обоего пола – 1 604 [16, л. 8]. Всего купцов, мещан и цеховых на декабрь 1820 г. числилось 6 259 душ. Кроме этого, в губернском Иркутске проживали следующие социальные группы – духовенство, чиновники, военные, мастерские, дворовые люди и крестьяне [18, с. 150]. Всего в городе в 1823 г. проживало 15 644 чел. [2, с. 101]. Следует обратить внимание, что платили сборы на содержание городского магистрата и Иркутской градской думы только купцы, мещане и цеховые.

Следующим показателем городского развития было количество общественных каменных и деревянных зданий в городе. В 1819 г. каменными общественными зданиями были здание градской думы, в котором помещались сиротский суд, земские и цеховые дела, здание городского магистрата, в котором располагался словесный суд, здание городской полиции, при котором помещен 1-й частный суд, здание ордонанс-гауза и главная гауптвахта, Триумфальные ворота, в которых находились 2 караульни, военные казармы, строящиеся на пожертвования купцов Трапезниковым и вдовой Медведниковой, казармы, выстроенные на сумму, пожертвованную Российско-Американской компанией, важня и весы на Хлебном базаре, лавки на Толкучем рынке [15, л. 8]. Деревянными общественными зданиями были лавки в старом рыбном ряду, за рекой Ангарой дом для частных судов 2, 3, 4-го, будки – Цывилинская, Троицкая, Владимирская, Луговая, Галкинская или Преспективная, Монастырская, караульня внутри рыбного ряда, мясной ряд, ямской дом с принадлежащими ему строениями, два шлагбаума с кардигариями [15, л. 39 об.]. Строились деревянные помещения для полкового командира, для бригадных, для начальника ордонанс-гауза. Также городу принадлежали 3 части в каменном купецком Гостином дворе и 83 части – в мещанском [15, л. 40]. Таким образом, в губернском Иркутске в первой четверти XIX в. активно продвигалось развитие полицейской и военной инфраструктуры, строились дома для военных, тюремных и полицейских служителей.

На городское развитие шли средства из бюджета Иркутской градской думы, поэтому сведения о доходах и расходах являлись важным показателем городского развития. Однако анализ бюджета в современном понимании невозможен. Сведения были составлены Иркутской градской думой с 1817 по 1819 г. В ведомости приведена общая сумма бюджета за три года, вместе со сборами с купцов, мещан и цеховых Балаганска, составившая 230 314 руб. 28 коп. [16, л. 16]. Балаганск находился в 180 верстах от губернского Иркутска, и его градское общество состояло в управлении Иркутской градской думы [16, л. 43]. Вместе с тем можно проанализировать, из каких статей складывались доходы г. Иркутска. Во-первых, из недвижимых помещений, городу принадлежащих, таких как деревянные рыбные ряды, деревянные мясные ряды, каменные лавки на Толкучем рынке, каменные лавки на Хлебном рынке и при них весы, части в купецком и мещанском гостиных дворах, рыболовные ловли на р. Ангаре и сенокосные статьи [16, л. 11–11 об.]. В 1819 г. городской доход с недвижимых помещений составил 23 203 руб. 97 ½ коп.

Во-вторых, доходы по праву городам, присвоенному с разных предметов. К этому виду городских доходов относились плата за запись иногородних

купцов для торга и промысла в гости, плата с доходов, получаемых владельцами с каменных зданий, сборы с публичного нотариуса и городского маклера, повозный сбор, 5 коп. с каждого рубля с карт, порученных для продажи, плата с владельческих документов, сборы с мельниц пильной и мукомольной, штрафы из судебных мест, плата за открытие гербергов, плата за непривоз хряща с Московского, Якутского, Заморского и Кругоморского трактов, плата с жителей губернского Иркутска за мощение хрящем напротив домов, однопроцентное отчисление с питейной суммы, с городских перевозов через р. Ангару [16, л. 11 об–14]. Городские доходы по этой статье в 1819 г. составили 46 593 руб. 99 ½ коп.

В-третьих, собирались деньги в дополнение городских доходов с купцов, мещан и цеховых г. Иркутска и Балаганска. В 1819 г. доход по этой части составил 1 499 руб. 44 коп. В городской бюджет могли еще поступать единовременные доходы, такие как пожертвования, недоимки за прошлые годы или доходы от продажи разных предметов. В 1819 г. таких доходов поступило 100 руб. за проданный кирпичный сарай [16, л. 15]. Итого по всем статьям дохода в 1819 г. поступило 71 397 руб. 41 коп. Вместе с тем эти данные расходятся практически в два раза с данными о городском бюджете 1828 г., взятыми из официального отчета генерал-губернатора – 46 551 руб. 33 коп. [25, л. 28]. Что происходило с городскими доходами с 1819 по 1828 г. – вопрос для будущего исследования. Исходя их архивных данных за 1819 г. торговая функция губернского Иркутска активно развивалась и приносила доходы в городской бюджет.

Для того чтобы понять, каким был бюджет губернского Иркутска, автор настоящего исследования сравнил его с бюджетами других городов Иркутской губернии и бюджетом г. Москвы. В. П. Шахеров приводит следующие цифры доходной части бюджетов городов Иркутской губернии в 1816 г.: доходы всех городов составили 44 916 руб. 63 коп., из них 80,5 % пришлось на губернский центр. В Троицкосавске доходы составили 2 889 руб., в Верхнеудинске – 1 617 руб. 90 коп., Якутске с подведомственными ратушами Зашиверска, Средне- и Нижнекалымска – 3 058 руб., в остальных городах губернии – менее 1 тыс. руб. [27, с. 78]. Таким образом, бюджет губернского Иркутска в 12–20 раз был больше бюджетов других городов Иркутской губернии. По сравнению с г. Москвой, бюджет которого в 1806 г. составил 951 тыс. руб. [22, с. 64], бюджет губернского Иркутска – 31 088 руб. 80 коп. в 1807 г. выглядит очень скромно: в 30 раз меньше, чем в Москве. Получается, что бюджет губернского Иркутска был в 20 раз больше, чем бюджет г. Верхнеудинска, но в 30 раз меньше бюджета г. Москвы.

Преобразования для М. М. Сперанского означали рационализацию процесса управления, осуществление разделения властей, законодательное регламентирование управленческих процедур. Все эти составляющие можно найти в «Учреждении для управления Сибирских губерний», частью которых являлось городское управление сибирских городов.

М. М. Сперанский знал и тенденции городского развития, существовавшие в то время в Российской империи. Вошедший на престол в 1801 г. Алек-

сандр I обратил свой взгляд, среди прочего, и на улучшение состояния городского управления. 12 февраля 1802 г. в Государственном совете состоялось всестороннее обсуждение состояния городского управления в столицах. Члены Государственного совета обратили особое внимание на финансовое положение городов, обремененных многочисленными сборами и «службами», и признали необходимым создать специальные комитеты для уравнивания и упорядочивания натуральных повинностей и прекращения злоупотреблений, возникших при сборе налогов. В 1802 г. в столицах были созданы комитеты для уравнивания городских повинностей. К 1806 г. комитеты для уравнивания городских повинностей существовали уже в 49 губернских и уездных городах.

В губернском Иркутске такой комитет не был сформирован. Однако правительственная политика вынудила гражданского губернатора в 1802 г. собирать сведения о состоянии городского управления в г. Иркутске. Члены Иркутского городского магистрата с думой должны были составить ведомости об употребительных сборах и повинностях за прошедшие три года по присланным формам. Такие ведомости были составлены и за общим подписанием городского головы с членами городского магистрата представлены в ноябре 1803 г. при рапорте в Иркутское губернское правление [12, л. 32 об.]. Однако гражданский губернатор вернул ведомости в Иркутский городской магистрат из-за нечистого письма их и предложил сочинить новые, исправные и верные, во всем согласно данным на то формам. Гласный цеховой Петр Порозов, учившийся в иркутской школе, совместно с ратманом Забелинским составляли ведомости о повинностях за три года для губернского правления [12, л. 33]. В январе 1804 г. Иркутская градская дума заплатила Петру Порозову за эту работу 65 руб.

В 1806 г. в Иркутске был учрежден Комитет об уравнивании по всему государству земских повинностей. Иркутское градское общество выбрало от себя депутатом для составления сметы о существующих денежных повинностях именитого гражданина М. В. Сибирякова [13, л. 23]. Иркутская градская дума составляла в 1805 г. ведомость о числе существующих по г. Иркутску денежных и прочих повинностей, которая была отдана депутату М. В. Сибирякову. Таким образом, через думы в общем и через Иркутскую градскую думу в частности осуществлялась взаимосвязь между имперским правительством и градским обществом. Составление таких финансовых документов Иркутской градской думой продвигало вперед городское развитие, так как в запрашиваемом документе отражались все городские доходы и расходы с комментариями. Кроме этого совершенствовались делопроизводство и финансовая отчетность, документация становилась единообразной.

К приезду М. М. Сперанского гражданский губернатор Н. И. Трескин в июне 1819 г. запросил все присутственные места, в том числе и Иркутскую градскую думу, предоставить ему сведения, которые должны были «показывать в точности состояние каждой части и сам образ управления» [15, л. 6]. Сведения должны были быть составлены в двух экземплярах, один из них должен был быть представлен гражданскому губернатору, а второй – оставлен у себя для поднесения генерал-губернатору М. М. Сперанскому во время лич-

ного обозрения присутственных мест. Иркутская градская дума такие сведения составила. К ним относились ведомость о количестве состоящих в г. Иркутске общественных каменных и деревянных зданий, табель о расходах и доходах Иркутской градской думы, сведения о численности населения (было представлено только количество купцов, мещан и цеховых в городе) и о количестве наличных денег в городской казне.

Такие сведения М. М. Сперанского не устроили, и он в ноябре 1819 г. запросил сведения о городских доходах и расходах по городам Иркутской губернии, начиная с 1814 по 1819 г., за каждый отдельно, по формам, представляемым в Комитет для уравнивания земских повинностей при Правительствующем сенате. Ведомости нужно было представить как можно скорее. Губернское правительство предписало Иркутской градской думе, нижеудинскому городничему, верхнеудинскому и нерчинскому магистратам, селенгинской, кяхтинской, киренской и якутским ратушам, начальникам Охотского порта и Камчатки, чтобы они в самом скорейшем времени прислали сведения за 1817, 1818 и 1819 гг. [16, л. 3]. Из архивных документов следует, что перед реформой М. М. Сперанского на территории Иркутской губернии была только одна городская дума – в губернском Иркутске. Исполняющий должность иркутского гражданского губернатора написал сибирскому генерал-губернатору о том, что подать сведения за 1814–1816 гг. не представляется возможным и ведомости о городских расходах и доходах будут представлены только за 1817–1819 гг.

Кроме сметы Иркутской градской думы на рассмотрение М. М. Сперанского попала смета Томской градской думы. Сибирский генерал-губернатор делал разъяснения относительно правомерности вводимых сборов для пополнения городского бюджета. Например, он допускал назначенный по смете сбор с подвижных лавок и балаганов, пока городская площадь не будет очищена и устроена, но находил, что сбор с каменных лавок старого гостиного двора «не имеет надлежащей соразмерности» и может быть допущен только тогда, когда по недостатку городских доходов все строения в городе будут обложены сбором по оценке [4, с. 154–155]. Однако следует отметить, что в г. Томске, ссылаясь на «доброе расположение граждан к покою» [23, с. 63], отказались от увеличения полицейского штата в 1797 г., когда указом Павла I было предписано содержать полицию на городские доходы. Гласные Томской градской думы считали, что безопасность жителей обеспечивалась с помощью 17 будочников, а в ночное время – исправно действующих караульных, выставляемых по очереди от каждых десяти дворов. В губернском Иркутске были введены повозный сбор и сбор с объявленной по совести цены, которые собирались со всех горожан и шли на содержание полиции. В 1819 г. на городскую полицию было потрачено 9 тыс. руб. и еще на полицейские канцелярские расходы – 2 232 руб., а ее штат составил 80 чел. [16, л. 21–21 об.]. Кроме этого, при Иркутской градской думе состояла заливная машина со всеми необходимыми к ней принадлежностями, 2 бочки, 2 саней, 2 телеги, 2 паруса, 6 багров, а также платилось жалование одному брандмейстеру и его ученику [16, л. 22].

Проводя сибирскую реформу, М. М. Сперанский учел территориально-демографический фактор сибирских городов, которые существенно различа-

лись по количеству проживающих в них людей, и разделил города на три категории: многолюдные, средние и малолюдные. Также М. М. Сперанский предусмотрел, что из-за перемещения торговых путей состояние городов могло изменяться, и предоставил Главному управлению менять их разряды соответственно их населению и нуждам [26, с. 122]. Иркутск был отнесен к многолюдным городам, в которых городское управление состояло из полиции, хозяйственного управления и городского суда. Хозяйственное управление вверялось думе. Дума должна была состоять из головы, двух, трех или четырех гласных, смотря по пространству города и по назначению Главного управления. В Иркутске, согласно «Учреждению для управления Сибирских губерний», городским головою был выбран на третий срок Ксенофонт Михайлович Сибиряков. Вместе с ним было избрано пять гласных – по двое от купечества и мещан, один – от цеховых.

М. М. Сперанский обратил внимание на специфику сибирского градского общества, которое часто бывало в разъездах по торговым делам. Например, в Иркутске отлучались из города не только купцы, но также мещане и цеховые. В составе Иркутской градской думы 1820–1822 гг. практически сразу были сделаны перемены гласным по причине отлучки из города. Еще не начав работу в думе, в конце декабря 1819 г. гласный Степан Перетолчев пишет прошение о том, чтобы оставить за себя гласным иркутского мещанина Матвея Павловича Абрамова [14, л. 143]. В апреле 1820 г. по этой же причине гласный Николай Нечаев просит оставить за себя цехового Михайло Федоровича Шишелова [14, л. 282]. Оба прошения были уважены. М. М. Сперанский предусмотрел на случай таких отлучек выбор кандидатов, которые должны были избираться на каждое звание и по усмотрению губернского начальства занимать места на определенное время, но не более четырех месяцев.

Дума должна была управлять городскими доходами, раскладывать, взysкивать и отсылать в казну положенные подати и процентные деньги, составлять ежегодные «рописания» о суммах, нужных на содержание канцелярии думы и на наем людей, которые будут собирать доходы и управлять ими. В эти же «рописания» должны были входить предварительные счета, доставляемые думе от городской полиции обо всех полицейских денежных потребностях [26, с. 122–123]. Таким образом, в законе отражено, что объем работы градской думы предполагает наличие канцелярии и людей по найму, которые будут собирать доходы и управлять ими. При Иркутской градской думе и до реформы М. М. Сперанского состоял 1 письмоводитель и 4 помощника [15, л. 22 об.–24], а делопроизводство было разделено на части – пожарную с полицейской, хозяйственную и общественную, каждой из этих частей заведовал гласный думы.

Следует обратить особое внимание на то, что в Иркутской градской думе стала формироваться общественная часть делопроизводства. С 1793 г. в документах думы упоминается о том, что по решению Иркутского совестного суда под распределением думы состояли деньги в размере 2 445 руб. 66 ½ коп., поступившие от иркутского купца Петра Солдатова на выдачу по рассмотрению поведения его брата иркутского мещанина Архипа Солдатова [7, л. 24]. Ир-

кутская градская дума выдавала с этих денег Архипу Солдатову с семейством на продовольствие. Например, в 1801 г. дума выдала Архипу Солдатову 200 руб. [10, л. 89 об.–90]. В 1795 г. на средства городского головы М. В. Сибирякова была построена каменная церковь на Иерусалимском кладбище – Храм Входа Господня в Иерусалим. Входом-Иерусалимская церковь стала содержаться за счет пожертвований и средств, выделяемых Иркутской градской думой, а один из гласных назначался церковным старостой. В 1819 г. на содержание церкви было потрачено 1 034 руб. 20 коп. [16, л. 25 об.]. В 1798 г. умер бывший в 1776–1781 гг. городским головой Яков Протасов. Согласно его духовному завещанию Иркутская дума стала выдавать деньги на пропитание неимущим из собранных средств, с принадлежавших ему частей Гостиного двора. Механизм этой процедуры был следующий: эконо́м Гостиного двора примерно раз в квартал по мере поступления передавал деньги в думу, которая в свою очередь раздавала их неимущим горожанам по составленному списку. В 1801 г. Иркутская градская дума по заключенной резолюции выдала 50 руб. по случаю пожара для подкрепления состояния и семейства иркутского мещанина Гладышева, Авдотьи Ивановой и дочери цехового Никитчишкова девице Гатчиновой [10, л. 89 об.–90]. Также в 1804 г. купцы Гостиного двора пожертвовали 1 500 руб., и городской голова Дмитрий Сизых – 500 руб. пострадавшим от пожара бедным вдовам [11]. В 1819 г. от Иркутской градской думы поступали средства за лечение служителей, находящихся при частях и будках, в иркутскую гражданскую больницу [16, л. 22 об.]. Таким образом, Иркутская градская дума постепенно стала брать на себя не только хозяйственную, но и социальную функцию. Началось формирование благотворительного капитала. Общественная часть работы Иркутской градской думы также являлась особенностью деятельности городского самоуправления.

М. М. Сперанский предоставил думе возможность в случае недостатка доходов уравнительную раскладку делать не по душам, а по домам, промыслам или имуществу. Следует отметить, что в губернском Иркутске уже был такой прецедент. С 1797 г. по указу Павла I полиция должна была содержаться на средства города, а подчиняться – непосредственно губернатору, а также в каждой части города должен был располагаться частный суд, рассматривающий дела, которые к публичному телесному наказанию судимых не приводят. Иркутская градская полиция потребовала на содержание частных приставов, квартальных надзирателей, канцелярских служителей, на пожарные инструменты и канцелярские расходы 7 664 руб. [8, л. 560 об.]. Иркутская дума в 1798 г. написала гражданскому губернатору Х. А. фон Трейдуну донесение о том, что на содержание полиции необходимо собирать со всех домов г. Иркутска по 4 руб. [8, л. 563]. Губернатор Х. А. фон Трейден не согласился с предложением Иркутской думы, что сбор на содержание полиции должен быть для всех одинаковым. Он считал, что «удобнее спросить каждого жителя о цене дома, предоставляя оную объявить по совести, и выведя чрез сие капитал всех домов живущих в городе, положить с оного на каждый дом по столько процентов, сколько оными всей суммы на содержание полиции может вы-

полниться, – сим средством не только отвратится неудовольствие, но и не будет один пред другим чувствовать отягощения» [8, л. 564 об.].

По реформе М. М. Сперанского «рописания» доходов и расходов дума должна была ежегодно по рассмотрению их городничим представлять на утверждение высшего начальства, а также ежегодно в январе делать в публичном собрании отчет городскому обществу о городских доходах и расходах. В обязанность думы входили надзор за маклерами, нотариусами, оценщиками, городскими старостами, цеховой управой, сиротским судом и опекой; составление ведомостей о торговых ценах разных жизненных припасов; срочное увольнение по паспортам граждан по торговле и промыслам; содержание и исправление общественных зданий, мостов, каналов и т. п. в городе и на градском выгоне, а также рекрутский набор [26, с. 123]. Подчеркнем, что нотариальные и маклерские должности были введены в управление в состав Иркутской градской думы и поручены к исполнению двум гласным еще до введения «Учреждения для управления Сибирских губерний» [16, л. 19–19 об.].

Итак, М. М. Сперанский законодательно оформил существовавшие в то время тенденции городского развития как в Сибири, так и в европейских городах Российской империи. Можно утверждать, что губернский Иркутск стал одним из образцов для сибирской реформы М. М. Сперанского в той ее части, которая касалась городского управления. Уникальность «Учреждения» заключалась в том, что в европейской России, за исключением столичных городов Санкт-Петербурга и Москвы, преобразования городского развития стали происходить позднее. Новое городское положение появилось только в 1870 г., тогда как в Сибири городское управление было изменено благодаря М. М. Сперанскому еще в 1822 г. В губернском Иркутске в первой четверти XIX в. наряду с торговлей активно продвигалось развитие полицейской и военной инфраструктуры, шло строительство домов для военных, тюремных и полицейских служителей.

Список литературы

1. *Авдеева-Полевая Е.* Воспоминания об Иркутске // Записки иркутских жителей. – Иркутск, 1988. – С. 54–75.
2. *Андреевич В. К.* Сибирь в XIX столетии / В. К. Андреевич. – СПб., 1889. – Ч. 2. (Период с 1806 по 1816 г.). – 425 с.
3. *Баснин П. П.* Из прошлого Сибири: Мученики и мучители // Сибирь. – 2003. – № 2. – С. 131–163.
4. *Вагин В. И.* Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. / В. И. Вагин. – СПб., 1872. – Т. 1. – 808 с.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 1. Д. 2а.
6. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 110.
7. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 186.
8. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 199.
9. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 220.
10. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 312.
11. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 352.
12. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 373.
13. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 377.

14. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 947.
15. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 948.
16. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1031.
17. Головачев П. М. Сибирь в Екатерининской комиссии: этюд по истории Сибири XVIII в. / П. М. Головачев. – М. : Тип. В. Ф. Рихтер, 1889. – 127 с.
18. Дамешек И. Л. Город в системе губернского управления // Иркутск в панораме веков : очерки истории города / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек. – Иркутск, 2002. – С. 149–159.
19. М. М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского) / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, Т. А. Перцева, А. В. Ремнев. – Иркутск : Оттиск, 2003. – 264 с.
20. Куликаускене Н. В. Прошлое – будущему : сб. ст. / Н. В. Куликаускене. – Иркутск : Сиб. кн., 2012. – 312 с.
21. Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX в. / А. И. Куприянов. – М. : Нов. хронограф, 2007. – 480 с.
22. Писарькова Л. Ф. Городские реформы в России и Московская дума / Л. Ф. Писарькова. – М. : Нов. хронограф: АИРО-XXI, 2010. – 752 с.
23. Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления / В. В. Рабцевич. – Новосибирск : Наука, 1984. – 197 с.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 1. Д. 365.
25. РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 47.
26. Учреждение для управления Сибирских губерний // История самоуправления Иркутска: от Екатерины Великой до Медведева. – Иркутск, 2008. – С. 122–123.
27. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) / В. П. Шахеров. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. – 256 с.

Urban Development of Irkutsk Under the Government of M. M. Speransky

M. M. Plotnikova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article considers the urban development of the provincial Irkutsk in 1819–1822s under the rule of M. M. Speransky, the Governor-General of East Siberia. The author highlights the fact that the Siberian reform, carried out by M. M. Speransky, legislated tendencies of the development of Siberian cities.

Keywords: Irkutsk City Duma, Institution for government of Siberian provinces, Irkutsk city identity, city budget.

Плотникова Мария Михайловна
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра социально-экономических
дисциплин, Международный институт
экономики и лингвистики
Иркутский государственный университет
664082, г. Иркутск,
ул. Улан-Баторская 6–307,
тел.: 8(3952)52-11-21
e-mail: someforme@yandex.ru

Plotnikova Maria Mixailovna
Candidate Sciences (History), Associate
Professor, Department of Social and
Economic Disciplines, International
Institute of Economics and Linguistics
Irkutsk State University
6–307, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk,
664082
tel.: 8(3952)52-11-21
e-mail: someforme@yandex.ru